

К этнической истории Херсонеса Таврического (по данным эпиграфики)

Резюме. Объектом исследования стали две надписи Херсонеса Таврического, уже давно введенные в научный оборот. Самая ранняя из них — эпитафия на стеле благородной женщины Малаки, происходившей из Гераклеи Понтийской. Вернее всего, ее семья была финикийского происхождения. Вероятно, семья Малака переселилась из Гераклеи Понтийской в Херсонес Таврический из-за переворота тирана Клеарха. Сам факт обнаружения монумента Малаки на кладбище Херсонеса говорит о том, что члены ее семьи пользовались правами граждан Херсонеса. Вторая надпись — граффити на иврите, оставлено, по-видимому, мальчиком. Он процарапал текст на внутренней стене классной комнаты, поверх греческой надписи, в доме, который, вернее всего, был синагогой. Датировка памятника несколько затруднительна — в нем нет имен и дат, но она крайне важна, так как помогает датировать и объяснить причину разрушения синагоги, а также прояснить обстоятельства ослабления влияния еврейской общины Херсонеса Таврического. Автор полагает, что синагога была разрушена в результате принятия жителями Херсонеса христианства, не позже 395 г. н. э., вернее всего, при Феодосии I.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, эпиграфика, надгробие, эпитафия, граффити.

Choref M. M. To the ethnic history of Tauric Chersonesos as reflected in epigraphic evidence. The object of the study are two inscriptions from Tauric Chersonesos, both of which have long been introduced into scientific circulation. The earliest of them is the epitaph on the gravestone of a noblewoman, Malaka, from Heraclea Pontica. In all likelihood, her family was of the Phoenician origin. The Malaka family appears to have moved from Heraclea Pontica to Tauric Chersonesos because of the tyrant Clearchus' coup. The location of the gravestone in the cemetery of Tauric Chersonesos testifies that the Malaka family had the rights of citizenship. The second inscription is a graffiti in Hebrew, left, in the author's view, by a boy who scratched the text on the inner wall of the classroom over the Greek text, in the building, which most likely was a synagogue. While the dating of this monument is associated with a number of difficulties since there are neither names nor dates, it is extremely important as it could help to date and explain the reasons why the synagogue was destructed, and to clarify the circumstances of the declining influence of the Jewish community of Tauric Chersonesos. The author believes that the synagogue was destroyed as a result of the adoption of Christianity by the residents of Chersonesos, not later than 395 AD, most likely under the reign of Theodosius I.

Keywords: Tauric Chersonesos, epigraphy, headstone, epitaph, graffiti.

Одной из основных, а подчас и ключевой задачей исторического исследования является выявление и оценка значимости контактов между жителями сопредельных и удаленных регионов. Весьма важна она и для антиковедов. Как правило, они получают исходную информацию из письменных источников, содержащих сведения о первоначальной локализации и последующих мигра-

циях древних народов. Однако к настоящему времени основными объектами исследования стали куда более многочисленные, относительно хорошо сохранившиеся и поэтому несравненно более ценные памятники археологии. Их изучение, кроме всего прочего, позволяет не только уточнить свидетельства древних хронистов, но и восполнить лакуны в их повествованиях. Но полученную таким образом информацию невозможно увязать с историческим контекстом без четкой этнической атрибуции археологических материалов, вырабатываемой на основании изучения письменных источников. Это позволяет сопоставлять результаты археологических исследований с событийным рядом, сформировавшимся в итоге осмысления всей прочей совокупности памятников далекого прошлого¹. К примеру, изучение в подобном ключе некрополей античных поселений Северного Причерноморья не только позволило проследить процессы возникновения и развития их общин, но и выяснить обстоятельства их гибели². Столь же плодотворным оказался этот подход и при исследовании укреплений, городищ, селищ, а также культовых центров, существовавших в Таврике во время Великого переселения народов и в раннее Средневековье. В результате их комплексного анализа формируется целостная картина, не только отображающая в нашем сознании события далекого прошлого, но и позволяющая ранжировать их по хронологическому принципу, что, в свою очередь, дает возможность атрибутировать и иные артефакты, в том числе и случайные находки, тем самым облегчая процесс изучения истории античного и раннесредневекового Крыма.

Однако проблемы все же остаются. Дело в том, что все эти умозаключения довольно условны, их ни в коем случае нельзя воспринимать как абсолютные истины. Следует учитывать то обстоятельство, что ученые, основываясь на достижениях своих эпох, неоднократно обращались к уже вроде бы досконально изученным памятникам, в результате чего по-новому освещали их историю. Наилучшим примером этого является процесс интерпретации грекоязычных надписей античной и средневековой Таврики, продолжающийся уже более двухсот лет (Виноградов 1989; 2010; Латышев 1884: 35–77; 1889: 56–71; 1896; КБН 1965; Сапрыкин, Масленников 2007; Соломоник 1959; 1964; 1973; 1978; 1983; Яйленко 2010; IOSPE I¹; IOSPE I²; IOSPE II¹; IOSPE IV¹)³. Особый интерес к ним обусловлен тем, что они содержат не только сведения о событиях, но и имена субъектов исторических процессов, этническая атрибуция которых позволяет получить столь необходимую информацию даже из кратких текстов, в том числе из немногословных эпитафий или граффити. Два таких текста и стали предметом нашего исследования.

¹ Есть все основания считать, что изучение античной истории без привлечения археологических материалов практически невозможно. Исключением являются только вспомогательные исторические дисциплины, в рамках которых допустима работа с артефактами как с отдельными объектами исследования. Однако и в этом случае весьма желательна корреляция полученных выводов с результатами изучения памятников археологии.

² Из недавней литературы см.: Дашевская 2014; Стоянов 2000: 129–140; Стоянов 2003: 131–136; Стржелецкий и др. 2003–2004: 27–277; Толстиков и др. 2002: 260–285.

³ Перечислены только основные труды по этому вопросу.

Рис. 1. Фотография надгробия Малаки (по Соломоник 1973: 160, № 158)

Fig. 1. Photo of the gravestone of Malaka (after Solomonik 1973: 160, № 158)

Начнем с самого древнего из них — с херсонесского надгробия Малаки, жены Артемидора (рис. 1). Оно было найдено в 1961 г. при исследовании облицовки башни XVII (так называемой башни Зинона) и хранится в лапидарии заповедника «Херсонес Таврический» (Соломоник 1973: 160). Монумент был впервые опубликован Э. И. Соломоник (Соломоник 1973: 123, прим. 1)⁴. Памятник представляет собой фрагмент блока из желтоватого известняка высотой 36 см, шириной 37 см и толщиной около 17 см. Он был сильно поврежден уже в древности, что было обусловлено характером его вторичного использования в качестве одного из блоков облицовки в кладке башни. Рельефная композиция в виде фронтона, украшавшая верхнюю часть монумента, довольно небрежно стесана, сохранились только три полочки, обрамлявшие ее снизу. Отбита и нижняя часть стелы. Зато полностью сохранилась трехстрочная надпись, в которой Э. И. Соломоник разобрала:

ΜΑΛΑΚΑ
ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ
ΓΥΝΑ

Μαλακά
Ἀρτεμίδωρου
Γυνά

Малака,
Артемидора
жена

Как видим, текст довольно краток, и, на первый взгляд, вполне ординарен. Учитывая это обстоятельство и основываясь на графологическом анализе надписи, исследовательница датировала памятник довольно широким периодом: концом IV — началом III в. до н. э. (Соломоник 1973: 160).

⁴ Краткие сообщения об этом памятнике приведены В. Н. Даниленко (Даниленко 1966: 156, № 177) и Э. И. Соломоник (Соломоник 1969: 67, № 74). Аналитическая публикация памятника приведена в: Соломоник 1973: 160–161, № 158.

Не ставя под сомнение вывод, сделанный Э. И. Соломоник, попытаемся уточнить атрибуцию изученного ею памятника. А так как ее умозаключение было основано на результатах графологического анализа, то в процессе исследования попытаемся дополнить его методику нашими наработками. В частности, мы считаем целесообразным оценить мастерство резчика надписи и обнаружить особенности его почерка с целью выявления иных надгробий его работы. Полагаем, что комплексное изучение подобных памятников не только позволит оценить ситуацию в Херсонесе Таврическом на момент смерти Малаки, но и даст возможность уточнить наши представления о периоде жизни и о социальном происхождении покойной.

Первым делом заметим, что мастер, создавший заинтересовавшую нас эпиграфию, был умелым резчиком. Мы судим по тому, что он не ограничился ординарным размещением текста, а расположил его так, чтобы надпись оптимальным образом⁵ заполнила отведенное для этого поле, к слову, заранее размеченное неглубокими симметричными линиями, ограничивающими строки сверху и снизу. Так что буквы «У» в середине и в конце текста у него получились разной ширины. Хорошо заметны и вариации отступов между символами, позволившие наилучшим образом заполнить поле надписи.

Перейдем к изучению текста. Для начала обратим внимание читателя на тот факт, что особенности почерка мастера волне заметны. Так, «А» у него всегда получалась непропорционально крупной, с несоразмерно широко расставленными наклонными гастами, причем правая из них развернута на больший угол, чем левая, которая, в свою очередь, всегда получалась длиннее, даже пересекая линию разметки строк. Заметно и то, что горизонтальная составляющая этой буквы размещена довольно близко к ее верхней точке. В схожем стиле была выполнена и «Д» — те же широко расставленные, с разным углом наклона левая и правая гасты. Только ее горизонтальная составляющая, размещенная по правилам в нижней части буквы, прорезана куда более аккуратно, причем как бы сглаживая разницу в длине боковых линий. Что же касается «Г», то она изображена просто, изящно и безукоризненно. Ее четко прочерченные, практически прямые гасты пересекаются почти под прямым углом. Столь же правильна буква «І». Правда, она передана слегка искривленной линией. Но это можно объяснить естественной трудностью при работе с таким материалом, как местный известняк: достаточно податливый, но, в то же время, хрупкий и зернистый. Так что некоторое искривление линий в надписи вполне ожидаемо. В этом смысле стоит обратить внимание на безупречную «К». Эта буква была размечена и прорезана ясными, уверенными чертами. Что же касается «М», то у древнего резчика она также получалась весьма ординарной. Ее боковые гасты — прямые, слегка наклонные друг к другу в верхней части. Буква «N» выполнена в той же технике, что и «M»: ее вертикальные составляющие практически параллельны друг другу. Символ «O» мастер всегда отображал в виде сравнительно небольшого кружка и размещал в верхней части строки. Изыщная «P» составлена из вертикальной прямой и небольшого полукруга, сочетаемого с ней в верхней части. Тривиальна и «T», составленная из линий, пересекающихся под прямым углом. Зато весьма примечательна буква «У». Заметно, что резчик не мог сочетать точку пересечения ее наклонных гаст с вертикальной, в результате чего ее пришлось вынести несколько влево.

⁵ Только имя покойной он не смог выровнять по центру.

Итак, проведя графологический анализ надписи, мы выявили особенности почерка исполнителя ее резчика. Попытаемся выделить изготовленные им надгробия. Для этого обратимся к работам Э. И. Соломоник⁶. Основываясь на заключении самой исследовательницы о том, что заинтересовавшая нас эпитафия Малаки и одновременная ей надпись в честь Артемидора могли быть созданы одним и тем же мастером (Соломоник 1973: 161).

Сразу же заметим, что мы безоговорочно принимаем точку зрения Э. И. Соломоник. Однако, учитывая полученные нами результаты исследования почерка, допускаем, что изучаемую эпитафию выполнил резчик, увековечивший память о Даматрии, сыне Эванта (Соломоник 1973: 156, № 155), Коттихе, жене Даматрия (Соломоник 1973: 157–158, № 156) и Артемидоре, сыне Даматрия (Соломоник 1973: 158–160, № 157). Дело в том, что буквы «А», «Д», «Г», «І», «К», «М», «N», «О», «Р», «Т» и «У» на их стелах выполнены одной и той же рукой. Что же касается «Σ», встретившейся в эпитафиях Даматрия и Артемидора, то в ее композиции почерк заинтересовавшего нас мастера ощущается довольно слабо — она у него получилась вполне ординарная, с расходящимися вправо верхней и нижней линиями. Подобное написание было характерно для херсонесских эллинистических монументов, датируемых Э. И. Соломоник IV–III вв. до н. э. (Соломоник 1973: 123).

Основываясь на выясненных обстоятельствах, допускаем, что при сооружении башни Зинова могли быть использованы надгробия, изготовленные одним мастером, причем изначально размещенные на сравнительно небольшом участке эллинистического кладбища. Ведь в ином случае они бы не оказались в одной кладке. Учитывая очевидную взаимосвязь биографических сведений о покойных, предполагаем, что они были родственниками. У нас есть все основания считать, что прародителем являлся Даматрий, сын Эванта. Его женой могла быть Коттиха, а сыном — Артемидор, супругой которого, в свою очередь, являлась Малака.

Перейдем к ономастическому анализу. Как заметила Э. И. Соломоник, имя Εὐάντης — «Эвант» в Херсонесе Таврическом до обнаружения заинтересовавшей нас стелы не встречалось, зато оно хорошо известно в Фанагории (Соломоник 1973: 157). Так что, вроде бы, у нас есть все основания считать его ионийцем, причем не таврического происхождения. Однако добавим, что в греческой мифологии Эвант был сыном Диониса и Ариадны, отцом Марона, спутника Одиссея. Значит, его имя могло быть весьма популярным не только у ионийцев Фанагории. И действительно, известно, что Эвант (465–450 гг. до н. э.) был царем Саламина на Кипре, следовательно, он был дорийцем. Так что установить, был ли херсонесский Эвант дорийцем или ионийцем, не представляется возможным.

По мнению Э. И. Соломоник, столь же нетипично для юго-западного Крыма и имя Κοττίχα (Соломоник 1973: 158). А по данным, собранным составителями LGPN⁷, оно известно только в Херсонесе (LGPN: 5). Вернее всего, оно было образовано из Κοττώ или из Κόττων по аналогии с Κοττίνα (Соломоник 1973: 158), известным в Лакедемоне (LGPN: 4), а также с беотийскими и среднегреческими

⁶ Полагаем, что следует обратить внимание на изданные ею надгробия, извлеченные из башни Зинова, так как они могли быть изготовлены в один период времени.

⁷ Результаты фундаментального исследования, проведенного под руководством Р. К. Паркера, Е. Метьюз и У. В. Кетлина, в настоящее время размещены в свободном доступе на сайте <http://www.lgpn.ox.ac.uk>. Учитывая это обстоятельство, считаем допустимым ссылаться на эти материалы, а не на выпуски словаря LGPN, которые, к сожалению, доступны отнюдь не каждому исследователю.

Καλλίχα, Αθανίχα и Φιλώνιχα (Соломоник 1973: 158, прим. 71; LGPN: 1; 3; 7). Развивая мысль Э. И. Соломоник, добавим, что, судя по имени, Коттиха определенно была дорийского происхождения, однако с учетом невстречаемости этого имени на прочих памятниках, она также не была уроженкой Херсонеса Таврического.

В то же время у нас есть определенные основания считать Артемидора гражданином этого города. Дело в том, что его имя довольно типично для его жителей в эпоху эллинизма (Зограф 1951: 150; IOSPE I²: 403, 404). Однако оно было столь широко распространено в эллинском мире⁸, что строить какие-либо предположения о происхождении покойного исключительно на данных ономастики было бы крайне опрометчиво.

Что же касается Малаки, то, как заметила Э. И. Соломоник, такое «женское имя... не встречалось в греческой ономастике, но редкие мужские имена Μαλακός и Μαλάκων засвидетельствованы на амфорных клеймах из Гераклеи Понтийской» (Соломоник 1973: 160–161). Речь идет об артефактах, изданных Б. Н. Граковым (Граков 1926: 181), а также Л. А. Белецким и Э. В. Яковенко (Белецкий, Яковенко 1969: 157–159). О редкости этого имени говорит и статистика, приведенная в LGPN (LGPN: 6). Что же касается его использования в Херсонесе, то вслед за Э. И. Соломоник допускаем, что оно может быть прочитано на фрагменте сосуда (канфара?) из Херсонеса (Соломоник 1978: 102, № 1371). Добавим также, что в последнее время в округе античной Феодосии были выявлены штампы гераклейского фабриканта Малакона (Гаврилов 2011: 61, № 76) и четырех одноименных магистратов — его сограждан (Гаврилов 2011: 98, 206, 279, 301, № 5, 9, 40, 241). Учтем и то, что по сведениям св. Фотия, Патриарха Константинопольского (858–867, 877–886 гг. н. э.), сославшегося на Мемнона (Phot. bibl. 224, 222 ed. Migne), а также по материалам Аппиана Александрийского (App. syr. 64), Лисимаха (306–281 гг. до н. э.) поразил «гераклиот Малакон... воевавший под началом Селевка» (Phot. bibl. 224, 222 ed. Migne). Судя по наличию подобного упоминания, этот житель Гераклеи Понтийской был знатным воином, а возможно, и военачальником в армии основателя Сирийского царства. Нам же важно то, что носители однокоренных имен могли быть выходцами из Гераклеи Понтийской, в которой они, несомненно, занимали привилегированное положение. Однако Э. И. Соломоник считала, что упомянутая Μαλακὰ была вольноотпущенницей (Соломоник 1973: 161), так как ее имя будто бы могло образоваться от прилагательного греческого μαλακός — «вялый, изнеженный, извращенный, легкий, мягкий, снисходительный, уступчивый» (Вейсман 1899: кол. 779). Однако этот тезис противоречит вышеприведенным сведениям об ареале и характере использования созвучных мужских имен. Очевидно, что

⁸ Вспомним о самых известных исторических деятелях, носящих это имя. Начнем с Артемидора — грамматика, ученика Аристофана, жившего в Александрии ок. 230 г. до н. э., писавшего на дорическом диалекте и составившего собрание произведений буколиков. Упомянем географа Артемидора Эфесского, жившего во II–I вв. до н. э., автора «Перипла» в одиннадцати книгах, в котором он привел лоции и описания своих путешествий по Средиземному и Красному морям. Не забудем и о Артемидоре Далдианском (вторая половина II в. н. э.), также уроженце Эфеса, получившем свое прозвище в память о месте рождения матери. Он стал известен как философ, писатель и снотолкователь — автор «Онейро-критики». Ну и, наконец, вспомним об Артемидоре (?–95 гг. до н. э.) — одним из греческих царей Бактрии. Как видим, ареал и период использования этого имени был достаточно широк. Сводка о распространении этого имени приведена в LGPN (LGPN: 2).

Малака не могла быть столь низкого происхождения. В таком случае получается, что она не носила эллинское имя.

Основываясь на этом допущении, попытаемся выяснить происхождение Малаки. Начнем с того, что весьма созвучные слова известны в семитских языках. Так, в иврите מֶלֶךְ (*mélek*) использовалось для титулования царей, а жен правителей, владычиц, соответственно, называли מַלְכָּה (*málka*) или מַלְכַּת (*málkat*). В рассматриваемый нами период также бытовали созвучные термины מַלְאָךְ — (*málak*), מְלָכָה и מְלָכֶת (*mléket*) (Brown 1906: 573), имевшие те же значения. С той же целью в арабском и сейчас употребляется царский титул مَلِكٌ (*malík*), причем жен правителей называют مَلِكَاةٌ (*malikát*). Учтем и то, что в том же языке слово مَلَاكَةٌ (*maláka*) используется как неопределенная форма глагола, т. е. в смысле «*владеть, управлять*», и как существительное в значении «*ангел*». В иврите же бытует термин מַלְאָכִים (*málak*), который употребляют при упоминании посланцев Бога. Следует учесть и то обстоятельство, что в финикийском языке также известно созвучное слово מַלְכָּ (mlk') — «*Малака*». Так в древности называли современную Малагу. Примечательно, что близкое по звучанию слово известно и в сирийском языке, активно использовавшемся в Передней Азии с I в. н. э. Правда, в нем написание этого созвучия несколько отличается от арабского, ивритского и финикийского вариантов. Его композиция включает два символа «𐤀» — эквивалентен «*n*» в иврите, в результате чего слово приняло вид 𐤀𐤌𐤀𐤎 (maláka). Однако его использовали при упоминании об ангелах. Но, в данном случае, нам должно быть важно развитие методики передачи звуков. Как видим, в сирийском написании этого созвучия присутствуют символы для обозначения гласных, что, безусловно, облегчало задачу транслитерации его в греческом языке. Допускаем, что при этом буква «*𐤀*» могла быть передана с помощью «*α*». Так что у нас есть все основания считать, что аналогично сирийскому 𐤀𐤌𐤀𐤎 могло возникнуть и греческое Μαλακά, правда, в более древнем значении — «*владычица*». Полагаем, что рассматриваемое семитское созвучие в греческом языке должно было сохранить не только прежнее значение, но и звучание, так как соответствовало его нормам. Тем же обстоятельством можно объяснить появление грецизированных форм Μαλακός и Μαλάκων, по-видимому, сберегших прежнее значение, соответствовавшее ивритским מֶלֶךְ / מַלְכָּ.

Сам факт написания имени с помощью греческих символов свидетельствует о высокой степени ассимиляции семьи Малаки, характерный для эпохи развитого эллинизма. Основываясь на том, что известны тексты на финикийском языке, переданном с помощью греческих и латинских символов (Шифман 2010: 59–60). Правда, они довольно поздние и исключительно редкие. Самый ранний из них — латинская транскрипция монолога Магона, приведенного в комедии Тита Макция Плавта «Пуниец», написанной во II в. до н. э. (Шифман 2010: 60–61). А в I в. до н. э. был создан посвященный текст из эль-Хофра, набранный греческими буквами (Шифман 2010: 59).

Столь позднее появление и уникальность этих текстов вполне объяснимы. Дело в том, что они могли возникнуть только в зонах взаимодействия пунической цивилизации с эллинским или римским миром, причем только тогда, когда ее носители подверглись массивной ассимиляции. Есть все основания полагать, что вследствие этого процесса пунийцы отказывались от своей письменности, так как она не была столь же простой и удобной, как латинская и греческая. Но пунийская речь звучала еще в VIII в. н. э. (Шифман 2010: 11). Продолжали

использовать и традиционные имена. Только тексты на пунийском стали записывать греческими или латинскими символами⁹ (Шифман 2010: 10–11).

Но вернемся к предмету нашего исследования. Проведя ономастический анализ, мы установили происхождение Малаки. Попытаемся теперь оценить сам факт использования «варварского» женского имени в эллинизированной среде Херсонеса Таврического. Сразу же заметим, что считаем этот вопрос очень важным, так как, на первый взгляд, использование семитского имени свидетельствует отнюдь не в пользу нашего предположения. Но в действительности никакого противоречия нет. Дело в том, что существуют достаточно веские доводы в пользу нашей теории. Вспомним о том, что в эпоху Хасмонеев знатные мужчины носили греческие имена, а женщины — традиционные еврейские. К примеру, у Александра Яная супругой была שְׁלֹמִצִּיּוֹן — Шломцион (76–67 гг. до н. э.), известная также как Саломея Александра. Далее, первой супругой Ирода I Великого (74/73–4 гг. до н. э.) и последней представительницей династии Хасмонеев была הַרְמִיָּהּ מִשְׁמֹנֵי — Мирьям Хашмонаит или, как ее принято называть в русскоязычной литературе — Мариамна. Эта традиция сохранилась и при Иродиадах. Так, сестра и дочь Ирода I Великого, а также его правнучка — дочь Иродиады и Ирода Боэта носили всё то же имя «Σαλώμη» — «Саломея». Основываясь на этом, допускаем, что херсонесская Малака принадлежала к знатному роду, изначально проживавшему в Геракле Понтийской, имевшему как дорийские, так и переднеазиатские, вернее всего, финикийские корни¹⁰.

Нам же важно то, что, судя по именам, не все члены этой семьи могли быть урожденными гражданами Херсонеса Таврического. Однако они были похоронены на городском кладбище, причем, судя по оформлению надгробий, как привилегированные жители полиса. Вернее всего, упомянутые мужчины были гражданами, а женщины — их законными супругами.

Осталось невыясненным только одно обстоятельство. Ведь, как уже было установлено, надгробия этой семьи исполнил один и тот же мастер. Причем, вернее всего, в крайне непродолжительный период времени. Дело в том, что стелы покойных были оформлены в едином стиле: у мужчин — с профилированным карнизом, а у женщин — с фронтоном¹¹ и тремя полочками под ним. Полагаем, что представители этой семьи умерли в результате непродолжительного, но, в то же время, разрушительного катаклизма, унесшего жизни многих горожан, причем определенно не связанного с военными действиями — в ином случае монументы мужчин были бы украшены оружием. Причиной смерти могли стать голод или эпидемия. Причем первое объяснение видится нам крайне маловероятным. Ведь, судя по внушительным, профессионально изготовленным надгробиям, достаток семьи сохранился. Допускаем, что ее представители умерли от эпидемии, информация о которой, к сожалению, на данный момент отсутствует.

Однако существует одно обстоятельство, которое, как нам кажется, позволяет определить время прибытия и длительность пребывания этой гераклейской

⁹ Однако сама пунийская письменность исчезла только в III–IV вв. (Шифман 2010: 16).

¹⁰ Наилучшим образом вопросы взаимоотношений древних греков и финикийцев разобраны в работе В. П. Яйленко (Яйленко 1990: 210–213).

¹¹ На стеле Коттихи сохранились следы акротелиев (Соломоник 1973: рис. 158). Вполне возможно, что они были и на надгробии Малаки, однако повреждения не позволяют их отследить.

семью в Херсонесе Таврическом. Речь идет об уже отмеченном отсутствии на их надгробиях изображений вооружения или орудий труда. Складывается впечатление, что покойные не были связаны ни с войной, ни с ремеслами, ни с земледелием. Зная о том, что представители семьи Малаки принадлежали к гераклеийской знати и прожили в этом городе сравнительно недолго, рискуем предположить, что они были беженцами.

Действительно, аристократы Гераклеи Понтийской, а, как мы уже выяснили, семья Малаки к ним определенно относилась, не единожды были вынуждены бежать из родного полиса и искать спасения в основанных им колониях. Как правило, такие миграции были обусловлены приходом к власти или демократов, или тиранов. Учтем, что в IV в. до н. э. в Гераклее Понтийской произошел один из таких переворотов, приведший к установлению тирании Клеарха (364/3–353/2 гг. до н. э.) (Сапрыкин 1986: 104). Известно, что этот правитель целенаправленно боролся с дорийской военно-земледельческой знатью (Сапрыкин 1986: 107). Предполагаем, что семья Малаки могла из-за этого переселиться в Херсонес Таврический, где ее представители вскоре умерли от болезни, вызванных, кроме всего прочего, тяготами миграции и жизни на чужбине. В таком случае, у нас есть основания датировать переселение этой группы гераклиотов второй половиной 360-х гг. до н. э.

Итак, осветив родословную этой небольшой группы жителей Херсонеса Таврического, нам удалось выявить новые факты, свидетельствующие об активности контактов жителей этого полиса с разноплеменными выходцами из Малой Азии, в частности — из Гераклеи Понтийской. Причем обоснованием нашим выводам послужили данные, полученные в результате комплексного использования графологических и ономастических методов анализа эпиграфического материала.

Рис. 2. Граффити на иврите из Херсонеса Таврического (по Золотарев и др. 2013: 269, рис. 137: 1)

Fig. 2. Graffiti in Hebrew from Tauric Chersonesos (after Золотарев 2013: 269, fig. 137: 1)

Однако может сложиться впечатление, что эта технология пригодна только для изучения грекоязычных эпитафий. Ведь их носитель, камень, достаточно прочен, чтобы запечатлеть особенности почерков резчиков. С целью опровергнуть это предположение перейдем к изучению второго объекта нашего исследования — ивритского граффити на овальном пласте штукатурки, 15 см в высоту и 14,5 см в ширину (рис. 2), найденном в ходе раскопок синагоги позднеантичного Херсонеса Таврического¹². Этот уникальный для Северного Причерноморья артефакт был обнаружен в 1950 г. экспедицией под руководством С. Ф. Стржелецкого во время обследования южного нефа Базилики 1935 года. Первооткрыватель смог определить язык, на котором была составлена надпись, и разобрать ее первую строку — он прочитал в ней «над Иерусалимом» (Стржелецкий 1951: 136–141). На этом изучение памятника надолго остановилось. Его исследование возобновилось только в конце XX в. На надпись обратил внимание М. И. Золотарев — один из виднейших исследователей Херсонеса Таврического. К сожалению, он не смог перевести ивритский текст. Однако, понимая историческую важность находки, М. И. Золотарев подготовил качественные фотографии и прорисовку надписи и отправил их на перевод Э. Эшель — профессору университета Бар Илан (Рамат-Ган, Израиль). Причем крымский исследователь скрупулезно отобразил как сам ивритский текст, так и следы греческой надписи, поверх которой тот был нанесен. Однако на стадии перевода надписи возникли определенные сложности. Дело в том, что на прорисовке были приведены не только сами буквы, но и заметные повреждения поверхности (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1). Э. Эшель не сочла необходимым сравнить ее с фотографией, и в результате часть символов была истолкована неверно. В итоге на обсуждение была вынесена довольно сложная для понимания реконструкция этого текста:

[...] ירושלים [...] [ה]נניה בספרתי [...] 13[...]. אם.. אם סלה [...]

[...] Иерусалим [...] [благословит Х]ананию из Боспора [...] Амен. Амен. Села¹⁴ [...]

¹² Речь идет о фрагменте № 269.

¹³ Мы приводим этот текст по публикациям (Золотарев и др. 2013: 270; Оверман и др. 1997: 58, 59). Считаю необходимым заметить, что надпись приведена издателями с многочисленными ошибками. Так, в статье (Оверман и др. 1997: 58, 59) и в коллективной монографии (Золотарев и др. 2013: 270) в слове «ירושלים» первая «י» — «йуд» заменена на «ו» — «вав». Далее, в имени «הנניה» вместо начальных и срединных «נ» приведены конечные «ן». Кроме того, в третьей строке вместо вполне очевидных и ожидаемых «אמן» — «Амен» приведены совершенно неуместные «אם» — «если». Причем у нас нет сомнений в том, что авторы не просто дважды по небрежности опустили конечную букву «ן», а осознанно вставили в надпись отсутствующие в ней слова. Дело в том, что они использовали при наборе последней строки ивритского текста не начальный или срединный «נ» — «нем», а конечный «ן». К сожалению, их передача и основанный на ней перевод текста стали общепринятыми (Айбабин 1999: 84; 2003: 26; Золотарев и др. 2013: 270; Ušakov, Žuravlev 2014: 291). Учитывая сложившиеся обстоятельства, приводим уточненное прочтение и перевод этой надписи, как полагаем, составленный Э. Эшель.

¹⁴ К сожалению, в перечисленных выше публикациях не приведен перевод этого весьма важного термина. С целью исправить это упущение заметим, что קָלָה — не путать с קָלָה, является литургическо-музыкальным знаком, используемым при чтении псалмов.

Предложенное Э. Эшель прочтение и перевод не кажутся нам обоснованными и убедительными. Начнем с того, что в первой строке текста правее и левее единственного читаемого «ירושלים» сохранились значительные участки неповрежденной поверхности без каких-либо следов ивритской надписи (см. рис. 2). Основываясь на этом, заключаем, что в ней было размещено только это слово. Далее, у нас есть сомнения и в верности прочтения второй строки. Допускаем, что Э. Эшель, не сверив фотографию и прорисовку, не смогла различить «ב» — «бэт» и «כ» — «каф». Кроме того, в этом фрагменте текста определенно отсутствует символ, схожий с «ד» — «самэх», который, по мнению израильского исследователя, являлся составной частью разобранный ею слова «בספרתי» — «боспорский». Учитывая эти обстоятельства, попробуем прочитать и перевести надпись самостоятельно¹⁵. Для этого попытаемся выявить особенности почерка ее автора.

Начнем с того, что ивритский текст, действительно трехстрочный, был размещен поверх греческой надписи¹⁶ и рисунка, от которого сохранились отдельные черточки в верхней части поля. Примечательно и то, что его автор с большим трудом смог процарапать его верхнюю строку. Судим по тому, что буквы у него получились весьма неразборчивые, причем только их вертикальные и нижние части уверенно прорезаны по поверхности, верхние же лишь слегка помечены. Хотя под ними различимы уверенные черты — детали рисунка. Основываясь на этом, предполагаем, что автор ивритской надписи был невысокого роста. Что же касается второй строки, то она прочерчена уже весьма разборчиво, все буквы хорошо различимы. Следовательно, изучая ее, мы сможем определить особенности почерка ее составителя. Так, первая буква, очевидно, «ה» — «хэй»: хорошо видна ее вертикальная составляющая и часть горизонтальной. За ней размещены два весьма схожих символа, похоже, что «נ» — «нун». Левее их видна изогнутая в виде запятой черта, весьма похожая на «ו» — «вуд». За ней процарапана очевидная «ל» — «лэ». Если наши рассуждения верны, то получаем הַנְּיָה — «Ханания». Полагаем, что это первое слово второй строки.

Второе слово отделено от первого хорошо различимым пробелом. Первой буквой слова является, похоже, «כ». Она получилась с задраным вверх хвостиком в верхней правой части, что сделало ее принципиально несхожей с ординарной «כ». За ней следует «ל» — «лав», прочерченная весьма четко. Левее ее размещен символ, весьма схожий с «כ», но с хвостиком в нижней части. Поскольку этот элемент отсутствует в «כ» и в «ל», то мы видим в нем «ב». Левее нее процарапана хорошо узнаваемая «ל». В результате получаем «כלכל». Вслед за М. Б. Кизиловым видим в нем вполне допустимое и грамотное

Его следует трактовать как интерлюдия, как указание на паузу, во время которой следует готовиться к кульминации. Дело в том, что раньше, во время существования Храма, псалмы не читали, а пели, причем исполняли их специально обученные священнослужители. Для них и проставляли селу. Наличие в надписи этого обозначения свидетельствует о высокой образованности ее автора.

¹⁵ При этом будем учитывать выводы, сделанные И. А. Левинской и С. Р. Тохтасьевым, активно и плодотворно исследующими эпиграфические свидетельства пребывания евреев в Северном Причерноморье в античную эпоху (Левинская, Тохтасьев 1988: 28–29; Levinskaya, Tokhtas'yev 1996: 55–73).

¹⁶ Э. И. Соломоник пыталась ее разобрать. Она установила, что текст содержит имя «Енох» и, возможно, этникон «иудей» (Жеребцов 2009: 145).

כתבתי — «написал» (Кизилев 2011: 35. Прим). В таком случае, во второй строке получаем: כתבתי הנניה — «Ханания написал». И, действительно, на прорисовке надписи (рис. 3) этот фрагмент текста читается совершенно ясно¹⁷.

Рис. 3. Граффити на иврите из Херсонеса Таврического (по Кизилев 2011: 27)

Fig. 3. Graffiti in Hebrew from Tauric Chersonesos (after Kizilov 2011: 27)

Что же касается третьей строки, то в ней действительно различимы слова: אמן אמן סלה — «Амен. Амен. Села». В результате получаем:

ירושלים
הנניה כתבתי
אמן אמן סלה

Иерусалим
Ханания написал
Амен. Амен. Села

Но вернемся к анализу третьей строки. Хорошо видно, что ее буквы едва процарапаны. Они кривые, а их линии — неглубокие. Складывается впечатление, что их писали вслепую, причем с большим трудом. Но они были прочерчены поверх вполне аккуратных и различимых греческих символов. Следовательно, у автора ивритского текста было значительно меньше возможностей, чем у создателя греческого. Полагаем, что это обстоятельство требует объяснения.

Сразу же заметим, что считаем эту проблему крайне важной. Дело в том, что у нас есть все основания полагать, что ответ на поставленный вопрос позволит объяснить обстоятельства появления ивритской надписи. Итак, как видим, автор этого текста был значительно ниже составителя греческого. Вернее всего, его автором мог быть ребенок. Допускаем, что, оставшись без присмотра взрослых, он дерзнул забраться на возвышение, чтобы достичь исписанного места стены с целью оставить на ней свой автограф. Причем ребенок старался разместить свой текст как можно выше, там, где обычно писали взрослые. В результате он начал царапать символы, высоко подняв руку над головой. Так что не удивительно, что буквы оказались весьма слабо процарапаны. Вторая же строка находилась непосредственно в поле его зрения, и ее символы хорошо

¹⁷ Однако заметим, что М. Б. Кизилев не только не был уверен в таком прочтении этого фрагмента текста, но и настаивал на возможности разобрать в нем «Анания, сын Шабтая» (Кизилев 2011: 35).

прочерчены. Чтобы процарапать третью, автору пришлось нагнуться, и символы вышли весьма неотчетливые. Полагаем, что надпись могла появиться в классе, в котором мальчики учили иврит и штудировали Священное Писание, причем, судя по хорошей сохранности символов на таком недолговечном материале, как штукатурка, она была размещена на внутренней стене комнаты, в которой располагалось учебное заведение.

Перейдем к проверке полученных результатов. Сразу же заметим, что в иудейских молитвенных домах¹⁸ регулярно проходят занятия как для взрослых, так и для малолетних прихожан. Причем обязательным элементом урока является разбор священных текстов. Как правило, их хранят на стеллажах или в выемках, размещенных по периметру стен. Книг могло быть много, и для доступа к ним использовали приставные лестницы. Так что вполне вероятно, что один из учеников, оставшийся без присмотра, решил увековечить себя и восславить свои познания в иврите, оставив столь примечательную надпись. При этом он повредил граффити на греческом языке, процарапанное его взрослым предшественником. Сам факт его наличия говорит о высокой степени эллинизации еврейского населения Херсонеса Таврического.

Действительно, судя по «Житиям епископов Херсонских», в этом городе существовала влиятельная иудейская община, дважды в союзе с эллинами оказывавшая активное сопротивление христианским миссионерам. Так, судя по описанию служения св. Василея: «Снова иудеи вредоносно ворожили, и имела место постыдная синагога, и, составив заговор, они вынесли решение беззаконно убить благодетеля» (Могаричев, Шапошников 2012: 507). От рук эллинов и иудеев погибли свв. Елпидий, Евгений и Агафодор, прибывшие в Таврику для продолжения дела св. Василея (Там же: 508). Только св. Эферий, прибыв в Херсон в сопровождении воинского контингента «изгнал нечестивцев из города, а вместо них вселил принадлежащих к партии Христа» (Там же).

Примечательно, что его преемнику св. Капитону оказали сопротивление только эллины. Следовательно, иудейская община ко времени его прибытия в Херсонес Таврический или примирилась с христианством, что маловероятно, или же потеряла свое влияние, что куда более допустимо. Основываясь на этом, предполагаем, что синагога Херсонеса Таврического — ее культовый и общественный центр была ликвидирована до окончательной победы христианства при св. Капитоне. Считаем, что победа св. Эферия могла привести к ее разрушению, и, следовательно, к ослаблению влияния еврейской общины.

Заметим, что к настоящему времени нет единой точки зрения по поводу о времени этих событий. Да, в «Житиях епископов Херсонских» есть упоминания об императорах. Так, по данным их составителей, св. Василей прибыл в Таврику при Диоклетиане (284–305 гг. н. э.), а св. Эферий одержал победу благодаря Константину I Великому (306–337 гг. н. э.). Но, как заметил А. Ю. Виноградов, кодекс этих житий начал составляться только в V в. н. э. и корректировался вплоть до XIV в. н. э., причем во время правок шла значительная переработка событийной канвы, о существовании которой, к примеру, говорит замена упоминаний о Феодосии I Великом (379–395 гг. н. э.), при котором, по мнению исследователя, в Херсонесе Таврическом утвердилось христианство, на Константина I Великого (Виноградов 2010: 67), в период правления которого насильственное насаждение новой религии было еще

¹⁸ Речь идет о синагогах: ивритское обозначение — *בֵּית מִדְּרָשׁ*, греческое — *συναγωγή*.

немыслимо. А. Ю. Виноградов также обосновывает этот тезис тем, что только при первом из этих императоров могла проводиться активная миссионерская деятельность, которая, что немаловажно, шла при действенной поддержке правительства (Виноградов 2010: 67). Основываясь на сделанном им выводе, заключаем, что херсонесская синагога прекратила свое существование не позже 395 г. н. э. Причем она не была заброшена. Сам факт обнаружения граффити на таком недолговечном материале, как штукатурка, да еще и столь хорошей сохранности, свидетельствует о быстром разрушении здания, в результате которого его фрагменты оказались в засыпи, поверх которой в V в. была сооружена базилика 1935 г.¹⁹

Что же касается вопроса о периоде процветания еврейской общины Херсонеса Таврического, то, вслед за И. А. Левинской, С. Р. Тохтасьевым, полагаем, что он, как и на Боспоре, мог начаться в I в. н. э. в результате упрочения римского влияния в регионе, а закончиться к началу V в. н. э. (Левинская, Тохтасьев 1988: 28; Levinskaia, Tokhtas'uev 1996: 55, 56). Добавим только, что, учитывая сделанные нами выводы, у нас есть все основания датировать ослабление влияния херсонесской иудейской общины концом IV в. н. э.

Итак, изучив две небольшие античные надписи из Херсонеса Таврического, мы не только выработали предложения по поводу их атрибуции, но и получили материалы для освещения этнической истории города. Исследовав эпитафию Малаки, мы выявили следы пребывания в нем семьи аристократов дорийско-финикийского происхождения, беженцев из Гераклеи, и определили время прибытия и период проживания. Столь же исторически ценным оказалось и граффити на штукатурке, найденное во время раскопок базилики 1935 года. Полагаем, что надпись оставил ребенок — ученик местной иудейской религиозной школы. Сам же факт ее обнаружения подтверждает свидетельства Житий и археологических источников о наличии в позднеантичном Херсонесе Таврическом влиятельной еврейской общины, а также позволяет уточнить верхнюю границу периода ее процветания. Надеемся, что наши наработки будут востребованы исследователями, изучающими эпиграфические памятники античного и средневекового Крыма.

Литература

- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины.
- Айбабин А. И. 2003. Херсон // Макарова Т. И., Плетнева С. А. (отв. ред.). Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. VI–XIII века. М.: Наука.
- Белецкий Л. А., Яковенко Э. В. 1969. Новые эпиграфические находки в скифских курганах Керченского полуострова // ВДИ 3, 146–162.
- Вейсман А. Д. 1899. Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом, бывшим ординарным профессором императорского С.-Петербургского Историко-филологического института. СПб.: издание автора.

¹⁹ Учтем то обстоятельство, что, судя по Житию св. Амвросия, архиепископа Медиоланского, в 388 г. в приевфратском городе Калиннике христианские монахи и плебеи, подстрекаемые епископом, сожгли синагогу (*Vita Sancti Ambrosii...* 1845: col. 99). Примечательно, что Феодосий I Великий, первоначально отдавший приказ наказать виновных и отстроить молитвенный дом иудеев за счет христиан, так и не смог добиться восстановления справедливости — тому воспротивился св. Амвросий Медиоланский (*Vita Sancti Ambrosii...* 1845: col. 99).

- Виноградов А. Ю. 2010. «Миновала уже зима языческого безумия...»: церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Виноградов Ю. Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука.
- Гаврилов А. В. 2011. Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) // *АА* 24, 1–347.
- Граков Б. Н. 1926. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор // *Труды ГИМ* 1, 165–206.
- Даниленко В. Н. 1966. Просопография Херсонеса IV–II вв. до н. э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья) // *Античная Древность и Средние века* 4, 136–178.
- Дашевская О. Д. 2014. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс.
- Жеребцов Е. Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе // Беляев С. А. (ред.). *Очерки по истории христианского Херсонеса*. Т. 1. Вып. 1: Херсонес Христианский. СПб.: Алетейя, 139–149.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты. М.: Изд-во АН СССР (МИА 16).
- †Золотарев М. И., †Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., Оленина Е. 2013. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь: Русский фонд содействия образованию и науке.
- КБН 1965. Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука.
- Кизилов М. 2011. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля.
- Латышев В. В. 1884. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // *Журнал Министерства народного просвещения*, июнь. Отд. отд. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 35–77.
- Латышев В. В. 1889. О календарях Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического // *Труды VI Археологического съезда (1884 г.)*. Т. II. Одесса: Типография А. Шульце, 56–71.
- Латышев В. В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. 1988. Древнееврейские имена на Боспоре // Гиндин Л. А. (ред.). *Международный симпозиум «Античная балканистика 6»*. Тезисы докладов. М.: Наука, 28–29.
- Могаричев Ю., Шапошников А. 2012. Жития епископов Херсонских по Патмосской рукописи // Могаричев Ю. М. и др. (сост.). *Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического*. Харьков: Антикава.
- Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М. И. 1997. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // *Археология* 1, 57–64.
- Сапрыкин С. Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: Наука.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора // *БИ. Suppl.* 1.
- Соломоник Э. И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство АН УССР.
- Соломоник Э. И. 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка.
- Соломоник Э. И. 1969. Памятники с надписями // *Сообщения Херсонского музея IV: Башня Зинона. Исследования 1960–1961 гг.*, 55–77.
- Соломоник Э. И. 1973. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка.
- Соломоник Э. И. 1978. Граффити античного Херсонеса. Киев: Наукова думка.
- Соломоник Э. И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, комментарии. М.: Наука.

- Стоянов Р. В. 2000. Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // SP 3, 129–140.
- Стоянов Р. В. 2003. Еще раз об ориентировке и положении костяков в некрополе Херсонеса Таврического V–I в. до н. э. // АВ 10, 131–136.
- Стрелецкий С. Ф. 1951. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ 2, 210–219.
- Стрелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // SP 4, 27–277.
- Толстикова В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2002. К хронологии Западного некрополя Пантикапея. Подвальное помещение второй половины V в. до н. э. // ДБ 5, 260–285.
- Шифман И. Ш. 2010. Финикийский язык. М.: Едиториал УРСС.
- Яйленко В. П. 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука.
- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф и К.
- Appian Roman History. 1962. Vol. II. Capps E., Rouse W. H. D., Post L. A., Warmington E. H. (eds.). London: The Loeb Classical Library.
- Brown F. A. 1906. Hebrew and English lexicon of the Old Testament: with an appendix containing the biblical Aramaic. Oxford: Houghton Mifflin.
- IOSPE I¹ — Latyshev B. 1885. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.
- IOSPE I² — Latyshev B. 1916. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. I. Petropoli: Типография Императорской академии наук.
- IOSPE II¹ — Latyshev B. 1890. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. II. Petropoli: Типография Императорской академии наук.
- IOSPE IV¹ — Latyshev B. 1901. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Vol. IV. Petropoli: Типография Императорской академии наук.
- Levinskaya I., Tokhtas'yev S. 1996. Jews and Jewish names in the Bosphoran Kingdom // Isaac B., Oppenheimer A. (eds.). תרבות XII: The Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. Tel Aviv: Ramot Publishing, 55–73.
- LGPN: 1: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=AΘANIXA (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 2: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΣ (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 3: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΚΑΛΛΙΧΑ (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 4: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΚΟΤΤΙΝΑ (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 5: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΚΟΤΤΙΧΑ (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 6: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΜΑΛΑΚΟΣ (Дата обращения 01.02.2015).
- LGPN: 7: Lexicon of Greek Personal Names // http://clas-igpn2.classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi?namenoaccents=ΦΙΛΩΝΙΧΑ (Дата обращения 01.02.2015).
- Photii, Constantinololitani Patriarchae, Opera omnia // Migne J. P. (ed.). Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca CIII: Photius Constantinopolitanus Patriarcha. Parisiis: apud Garnier Fratres Editores et J. P. Migne, successores.
- Ušakov S., Žuravlev D. 2014. Juden im nördlichen Schwarzmeerraum // Das Altertum 59, 279–302.
- Vita Sancti Ambrosii Mediolanensis Episcopi ex ejus potissimum scriptis collecta, et secundum chronologiae ordinem digesta // Migne J. P. (ed.). Patrologiae Cursus Completus: Series Latina XIV: S. Ambrosii Tomi primi pars prior. Parisiis: apud Garnier Fratres Editores et J. P. Migne, successores, col. 65–120.